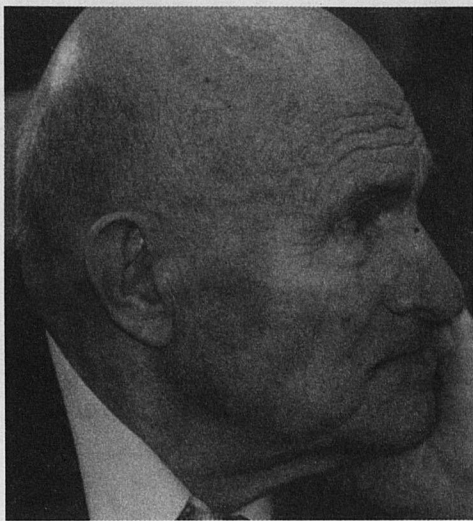

В ЖИЗНИ САМОЕ ГЛАВНОЕ – СОЛНЦЕ И ЦВЕТЫ

Ефрем ЗВЕРЬКОВ

Ефрем Иванович Зверков – вице-президент Российской академии художеств, народный художник России, лауреат Государственных премий. Ефрем Иванович Зверков принадлежит к той замечательной когорте отечественных мастеров искусства, которые составляют славу России. Его имя по-праву звучит среди имен величайших живописцев своего времени. Он – мастер, создавший свое глубоко лирическое направление национального пейзажа.

В мастерской Ефрема Ивановича много работ. Одни приехали с только что состоявшейся выставки, другие упакованы для следующей. Мы «перелистываем» картины. Большинство из них – пейзажи: осень, лето, разлив, заход солнца, березки. Все они необыкновенно красивы. Нежность, тишиной, спокойствием веет с этих полотен. Такие картины могут создать только человек, страстно любящий природу.

– Ефрем Иванович, скажите, пожалуйста, почему Ваш любимый жанр – пейзаж?

– Знаете, я ведь прошел всю войну. Однажды на фронте во время боя ле-

иссякаемый источник вдохновения.

– Когда Вы начали рисовать?

– Я начал рисовать рано, с трех лет. Сначала на кафеле печей углем рисовал лошадок, кур, петухов, все, что вокруг видел. Зимой – узоры на окнах. У нас в семье все рисовали, но я, видимо, отличался старательностью. Отец в это время жил в Твери, работал в российско-польской организации, которая собирала лекарственные травы. На выходные дни он приезжал домой.

Однажды, видя мое пристрастие к рисованию, отец привез из города шикарную картину И. Левитана «Золотая осень» (репродукцию). Я так полюбил Леви-

много знаменитых людей: поэт А. Дементьев, академик-искусствовед В. Ванслов, дипломат М. Смирновский, посол СССР в Англии... Мы долго не виделись со Смирновским и встретились совсем недавно в Кремле на вручении наград.

После окончания школы Борисов посоветовал мне ехать в Ленинград, поступать в Академию художеств. Приезжаю, занятий нет. «Дежурный» профессор посмотрел работы. Сказал, что все прекрасно, но прием закончен, и годик надо будет поработать в подготовительной группе. Но учиться не пришлось, всех взяли в армию, даже второкурсников. Это были 39–40 годы.

До начала войны почти два года служил под Харьковом. Когда началась война, нашу часть перевели в Красноярск. Поселили около аэродрома. Я был рад – родина В. Сурикова! Первое, что сделал, пошел искать его дом – и нашел! Дом был большой, но его уже разделили на коммуналки. И никто из живших в нем людей не знал, что это дом великого художника Сурикова.

Зиму нас обучали военному делу, приучали спать на снегу, кормили в поле, в лесу. Весной отправили на фронт.

– Удавалось ли рисовать на фронте?

Только, когда оказывался в госпитале. Я три раза лежал. Рисовал в основном портреты врачей, сестер, солдат.

Однажды на выставке в ЦДХ (уже в наше время) подошел ко мне человек. Его мама просила узнать, жив ли Зверков. Оказывается, когда она была медсестрой в госпитале, я сделал ее портрет. Она следила за моей судьбой и хранила этот портрет. А я так растерялся, что не догадался спросить адрес или телефон. Ведь у меня не сохранилось из фронтовых рисунков ни одной работы, все сгорело вместе с родительским домом.

«Осенний свет».

Однажды в госпитале рядом лежал молодой ученый-философ из Московского университета, очень образованный человек. Мы много разговаривали. «Запомните, – говорил, – в жизни самое главное – солнце и цветы».

– Наверное, после войны сразу же поступили в Академию?

– Нет. Дело обстояло так. Пока служил, научился водить машины. А в это время американцы нас буквально завалили машинами. Водителей не хватало. Их брали прямо с фронта. Так получилось, что после отпуска я попал в Горький, откуда перегоняли машины на фронт. Идет наша колонна через Москву, и вдруг я вижу афишу «Художники – фронту», Третьяковская галерея. Побежал смотреть, пока грузились. Увидел картину А. Пластова «Немец пролетел». Я был поражен. Никогда не писал отзывов, а тут написал. А для себя решил: я должен у него учиться.

И знаете, так и получилось, но не сразу. Война кончилась, нас отправили на Украину убирать хлеб, только зимой отпустили.

Тверь, мне 26 лет. Ни профессии, ни образования. Начал потихоньку ри-

совать, сдавать работы в салон. В этот период времени я познакомился с замечательным художником К.С. Первухиным, тонким пейзажистом и беззаветно преданным искусству человеком. Мы с ним вместе ходили на пленэр и много беседовали.

В Москве, в 1946 году фондом Московского союза художников создается студия художников – участников войны. Принимают 60 человек – от каждого города по одному. Я прохожу конкурс, и меня зачисляют в студию. Возглавили студию Борис Владимирович Иогансон и Александр Михайлович Герасимов. Я интуитивно выбрал в наставники Иогансона. Он оказал большое влияние на мою творческую судьбу. Я проучился год, и меня оставили на второй срок. Иогансон считал, что мне надо учиться. А когда я написал учебную работу «Цыганка», Иогансон очень меня хвалил. Если бы не эта похвала, я бы не решился поступать в Академию.

Я был принят. 1947 год. Жить негде, снимал угол. Учился я хорошо, на второй год получал стипендию им. Репина, которую дава-

«Зимнее солнце».

жали мы в траншее, а вокруг цветы, зеленая трава, белые стволы молодых березок, птицы поют. Такая красота! Не верится, что война идет. Вдруг начинается артобстрел, снаряды один за одним летят низко, срезают березки, вспахивают луг. Когда наступила минута тишины, я оглянулся на раненые березки и увидел, как по ним бежит сок – они плакали. Так стало жалко деревья и досадно – ведь уничтожается красота.

Природа дает силу человеку, а для меня это не-

тана, что с этой картиной не расставался до самой войны. И сейчас, когда попадаю в Третьяковскую галерею, я иду прямо к Левитану. Чем-то он меня поразило. Мы всей семьей переехали в Тверь. В это время там жил Николай Яковлевич Борисов, художник, который учился в Петербургской академии художеств у самого Репина. Отец меня повел к Борисову, благо, дом рядом. В это время было мне 5 лет.

В 1929 году пошел в первый класс. У нас была замечательная школа. Из стен этой школы вышло

Зверков Ефрем Иванович

ла Академия художеств. В стране проводили борьбу с космополитизмом, формализмом. Многих изгнали. Сергея Васильевича Герасимова, ректора, уволили. Меня тоже коснулись эти события. Утвердили эскиз моей дипломной работы: «Детская передача». Новый ректор в это время был в командировке. Он вернулся, узнал, что я взял эту тему и сказал: «Я это утверждение снимаю. Вы должны написать Сталина». Я замер. И не знаю, как выскочили у меня слова: «Федор Александрович! Эта тема под силу великому мастеру. А не студенту». «Вот сейчас ты правду сказал», ответил ректор. И не сказал, что утверждает.

Я тогда быстро уехал к Пластову в село Прислониха. С Пластовым у меня сложилась многолетняя дружба. Я учился и дружил с его сыном. Однажды Аркадий Александрович пришел посмотреть работы студентов и обратил внимание на мои эскизы. С тех пор он оказывал мне внимание и даже писал мой портрет. Я с благодарностью, до мельчайших подробностей храню в памяти дни, проведенные в Прислонихе, удивительные прогулки по живописным окрестностям и беседы с Пластовым.

Время непростое. Вышла статья Жданова по борьбе с космополитизмом.

Тогда пострадали многие выдающиеся художники. Вот один эпизод. Художница Мариам Асламазян сидит и плачет. Идет Сергей Васильевич Герасимов, человек остроумный и ироничный. Спрашивает: «В чем дело? Почему плачете?» А у нее в руках свежая газета. «Ну-ка, ну-ка, дайте посмотреть». Берет газету и читает о том, что космополитами объявлены

все лучшие художники, и она и он в их числе. Сергей Васильевич спрашивает: «Что, Вам не нравится компания?» Асламазян потом вспоминала: «Мне так хорошо стало. Я сразу успокоилась».

Закружили Институт нового современного искусства (он был на Пречистенке, где сейчас располагается Академия). Часть работ попала в ГМИИ им. Пушкина, часть — в Эрмитаж. Теперь их не отдадут. Ведь это была коллекция Морозова. И они были созданы специально для особняка.

Институт я закончил с отличием. Меня сразу же автоматически приняли в Союз художников, в секцию живописи. И тут же выбрали председателем секции. Кончился срок, меня снова выбрали. Я был против, но меня уговорили. На третий срок я взбунтовался. (Я, кстати, беспартийный.) Секретарь райкома просит остаться, а я го-

— секретарем и куратором Поволжья.

В 1975 году была первая моя выставка, я за нее получил премию, звание народного художника и член-корреспондента.

— Вы все время «причинах», функционер. А как 60-е годы? С кем дружили, поддерживали ли тех, кто был «не в чести»?

— Кто такие шестидесятники? Это люди, которые пришли на смену старым маститым художникам. Из великих мало кто остался: Пластов, Кончаловский, Герасимов. Масловка опустела. Я был председателем секции и на вечере в ЦДРИ как-то увидел этих молодых, зазорных художников, которые рвались нам на смену — это же естественно.

Наступила «оттепель». На Кузнецком мосту состоялась хорошая выставка молодых, участвовал весь «цвет» во главе с Коржовым. Он был председателем Российского союза. Начали проводить выставки худож-

«Утро в поле».

хал в село Прислониху. Вот такой непростой воздух свободы. Очень сложная история у работы Павла Никонова «Геологи». Ее спас Тимур Тимурович Салахов. Плеяда шестидесятников трудно входила в жизнь, но честно. Николай Иванович Андронов написал картину

лит Ювеналий нас выслушал, потом сказал: «Патриарх велел сделать все, как было раньше».

Художников отобрали на конкурсной основе. Они работали с большим вдохновением. Это был удивительный порыв, воскрешение духа. Работали вопреки трудностям. Во время работы не случилось ни одного конфликта. Один из художников, выигравший в конкурсе, должен был создать «Тайную вечерю». Время идет, уже июнь. А он все не может доработать эскиз, и потом отказался совсем. И тогда Зураб Константинович сказал: «Ребята сами решат, кто будет делать эту работу». И все единодушно решили, что лучше всего ее сделает Быстров из Петербурга.

Однажды мы возвращались домой поздно ночью и увидели, что на стройке Храма Христа Спасителя горят огни. Оказалось, что там работали художники. Храм воссоздавали художники со всей страны: из Москвы, Петербурга, Ярославля и других городов. Все испытывали необыкновенный творческий подъем. Это — незабываемо.

— Спасибо, Ефрем Иванович, за интересные воспоминания.

Ефрем Иванович Зверьков органично сочетает жизненную конкретность и неисчерпаемую духовность, личные впечатления и общезначимые явления, национальные традиции и высочайшее мастерство. Он создает необычайно широкий образ России, показывая природу с такой чуткостью и взволнованностью, какие редко встретишь в наследии мастеров.

Беседовала
Л. ОСТАПИШИНА

«Север. Март».

ворю, что не могу больше, потому что не работаю как художник». Потом меня выбрали в Российский союз

художников, которые раньше не выставлялись: Старженецкая, Нестерова Наталья, Назаренко Татьяна. На одну из таких выставок пришла комиссия. Сказали: «Все снять». Я и Игорь Алексеевич Попов всю ночь перевешивали картины, убирали «акценты», а работы Старженецкой, Нестеровой, Назаренко, Нечитайло остались. Наутро комиссия появилась вновь и сказала: «Теперь другое дело». А сейчас эти художники — классики.

60-е годы — сложное время было. Однажды Пластова попросили подготовить статью, в которой он должен был покаяться, что писал в импрессионистической манере. И обещали, что тогда ему будет обеспечена Госпремия. Аркадий Александрович Пластов надел свой дорожный плащ и уе-

«Плотогон», и ее не взяли на выставку. Он хотел ее уничтожить, а я не дал. Андронина очень долго не признавали, грозили чуть ли не исключением из Союза художников. Он купил дом в деревне и долгое время там работал, почти не выезжая. Но был уважаем, потому что мастер.

— Какое событие в Вашей жизни особенно для Вас важно?

— 1995-й год. Решение о воссоздании Храма Христа Спасителя. Это событие объединило все художественные направления. Академии было поручено воссоздать живопись и скульптуру. Мне поручили живописное убранство. Надо было с чего-то начинать. Художники предлагали либо фресковую живопись, либо мозаику в труднодоступных местах. Митропо-

«Далекая часовня».